

Актуальность изучаемой проблематики обусловлена несколькими основными факторами:

Во-первых, тематика политической идентичности неразрывно связана как с социально-психологическими аспектами восприятия широкими народными массами векторов развития и эволюции политической системы, так и с представлением о том, что успешность и конкурентоспособность национальной политической модели обуславливается опорой общества и элиты на устоявшиеся представления о политике, которые находят своё непосредственное отражение в политической идентичности и национальном менталитете граждан.

Во-вторых, практическая и социальная значимость изучаемой проблемы обусловлена тем, что она органичным образом связана с проблематикой реализации национальной безопасности как Республики Беларусь, так и Российской Федерации. Деструктивное воздействие радикальных политических групп, субкультур, экстремистских и террористических организаций направлено в информационном пространстве на планомерную эрозию исторической памяти народов, искажение национального политического менталитета и утрату гражданами цивилизационной и политической идентичностей.

В-третьих, проведение эффективной агитационной работы и политического просвещения на всех уровнях идеологической вертикали будет неэффективно и не системно вне разъяснения сути и содержания понятия «национальная идея», которое неразрывно связано с образцами общественного развития, укоренёнными в национальной политической ментальности. Изучение основ и характера репрезентации политической идентичности как жителей Беларуси, так и России даёт возможность системного проектирования образа будущего на основании понимания подлинного своеобразия национальной политической культуры, что в условиях повсеместного упадка традиционных ценностей обеспечит национальной политической модели ресурс выживаемости в стремительно меняющемся мире

Началом фундаментального исследования политической идентичности в современной России следует считать 2009 год, когда появляется и активно развивается экспертная сеть по исследованию феноменов политической идентификации, а на её основе в 2010 г. была создана исследовательская группа Российской ассоциации политической науки.

В российской политической науке, на наш взгляд, не до конца сложилось цельное представление о сущности и объёме понятия политическая идентичность. Этому способствовало сразу несколько важных факторов. Во-первых, само понятие «идентичность» имеет множество разных дефиниций, что определяется его междисциплинарностью и наличием принципиально разных концептуальных подходов к его интерпретации.

Чаще всего, в российской социологии, под термином «политическая идентичность» подразумевают «отождествление субъектом политического процесса себя с определённой политической позицией, признаваемой другими субъектами политических отношений; ощущение принадлежности к какой-либо группе (партии, идеологическому течению, политическому символу) и/или как отождествление группой себя с какой-либо политической позицией и признание этого со стороны других субъектов политического процесса».

Во-вторых, в рамках постижения идентичности речь идёт как об индивидуальных, так и об коллективных представлениях, а наряду с этим - и об индивидуальной и коллективной репрезентации, включающей в себя как осознанные, так и бессознательные компоненты. Этим политическая идентичность и отличается от политического менталитета, который, являясь стабильным компонентом массового политического сознания, применительно к белорусам отражает наши представления о мире в целом, о природном и социальном окружении, о самих себе и представителях остальных групп населения.

Определяя содержания понятия «менталитет», белорусский учёный В.В. Кириенко подчёркивает: «менталитет – социально-культурный сознательно-бессознательный феномен, который представляет собой слой исторической памяти, «спрессованного» социального опыта как предыдущих, так и ныне живущих поколений, предопределяющий синхронизацию переживаний и алгоритмов социального действия большинства членов социума, обеспечивая его целостность в пространстве и времени в различных, в том числе и в критических, условиях общественного развития».

В-третьих, наряду со сказанным выше, в самой структуре идентичности выделяются индивидуальный и социальный (групповой) уровни. И если в первом отражается совокупность первоначальных характеристик, придающих индивиду качество уникальности личности, во втором – результат идентификации, детерминируемый ожиданиями и нормами социальной среды, что его окружает. Ссылаясь на российского политолога И.Н. Тимофеева, следует отметить, что под индивидуальной политической идентичностью понимается «отождествление *индивидом* себя с определёнными политическими принципами или установками, в то время как коллективное измерение политической идентичности выступает в качестве политического

проекта, политического самоопределения коллективного «Я» превращая разрозненных индивидов в политическое сообщество, сплоченное общим проектом, целями и ценностями».

Как индивидуальная, так и коллективная политическая идентичность обладают тремя основными свойствами, постоянно присутствующими в сознании большинства граждан страны: общий опыт государственности, общая ответственность за будущее государства, набор общих ценностей для данного социума.

Опираясь на эти признаки, И. Тимофеев даёт определение групповой идентичности - это «разделяемое гражданами представление о государстве, как *самоопределение* коллективного политического Я, когда социум, определяя свою идентичность «воображает» себя в качестве уникальной духовной целостности».

Политическая идентичность, выступая одним из компонентов как индивидуального, так и массового политического сознания, выражается в политическом процессе как набор когнитивных моделей восприятия, понимания и репродуцирования политического поведения, одновременно являющихся результатом осознания народом своей исторической памяти, так и результатом осмысления современной социальной действительности.

Е.В. Бабосов, академик НАН Беларуси, доктор философских наук, подчёркивая глубокое сходство между личными идентичностями белорусов и русских подчёркивает, что «В своей личной идентичности современные белорусы очень сходны с русскими. Но вместе с тем существует и определённое своеобразие. Белорус в ситуации острого спора не станет рвать на себе рубашку, как русский, он более бережлив. В его личную идентичность глубже вошло то, что называют в нашей стране «добрасумленнасцю - добросовестностью - прим. А.С.» и «добрачычлівасцю - отзывчивостью - прим. А.С.», очень сильно развиты черты толерантности, «грамады» (чувства общности с односельчанами, земляками - прим. А.С.), «талакі» (совместной работы на уборке урожая, строительстве колодцев, дорог - прим. А.С.), «памяркоўнасці».

Начиная с Янки Купалы национальное самоопределение, стремление к оформлению национальной государственности и освобождение от великодержавного гнёта царизма осознаются в нерасторжимом единстве с социальным освобождением и стремлением белорусов к социальной справедливости, как мере ответственности гражданина

перед социумом и наоборот. Такие характеристики белорусской политической идентичности не утратили своего фундаментальной значения и в XXI веке.

Так, в начале 1990-х гг. национально-радикальные круги попытались быстрыми темпами внедрить националистическую концепцию белорусской идентичности, исходящую из классических критериев (язык, этнические корни), которая не только не помогла решить проблему формирования новой белорусской идентичности, но и внесла в общество конфликты, вызвала массовое недовольство у граждан, не желавших отказаться от русского языка как средства повседневного общения, но считавших себя полноправными гражданами Беларуси.

Апогеем подобного дискриминационного отношения как к белорусам, не разделяющим ультра национализм, так и к русским стал юбилейный «Чернобыльский шлях», прошедший 26 апреля 1996 года - шествие оппозиционных сил, первому президенту Беларуси, в котором приняло участие по непроверенным данным около 60 тысяч человек.

Выступавший на митинге З.С. Позняк (нелегально вернувшийся в нашу страну) призвал почтить минутой молчания (!!!) память убитого вождя чеченских сепаратистов, Президента Ичкерии Джохара Дудаева. К огромному сожалению, многие высказывания белорусского националиста, (который многими считается «нерукопожатным» маргиналом даже в оппозиционной среде - прим А.С.), до сих пор используются информационными платформами, поддерживающими чеченских террористов, в качестве пиара и демонстрации якобы международной поддержки.

Национализм в той форме, в которой он преподносился для построения будущего Беларуси (в том числе формирования национальной идентичности), оказался полностью дискредитированным. Неосознанное противодействие белорусов этническому радикализму подтверждается и более современными данными. Так накануне выборов 2010 года, британский Институт государственных идеологий (INSTID) провел широкомасштабное исследование политического поведения белорусов, которое позволило выявить национальную ментальность граждан нашей страны. По мнению авторов (Н. Лещенко и др.), «в основе белорусского архетипа лежит концепт “сохранения”. Оно выражается в таких чертах, как оседлость, консерватизм, спокойствие, бережливость, аккуратность. Отсюда же и забота о собственном интересе, прагматичность, боязнь конфликтов, равенство, справедливость и нейтралитет в отношении,

как соседних государств, так и различных религиозных конфессий внутри Беларуси. Степень совпадения действующего Президента страны с образом идеального правителя Беларуси очень высока: в его политической риторике особое место занимают акцент на равенство и социальную поддержку, важность спокойствия и безопасности, практичность, бережливость, близость к природе и натуральному хозяйству, коллективизм, внешнее благополучие и миролюбие во внешней политике».

Таким образом, всё разнообразие трактовок политической идентичности, на наш взгляд, можно распределить по нескольким основным направлениям:

1. Политическая идентичность - это совокупность политических принципов, служащих основанием ответа на вопрос «кто мы?» и осознания своей политической причастности;

2. Политическая идентичность выступает предметом политики идентичности в условиях нации-государства современного типа и является результатом целенаправленных действий государства в сфере символической политики;

3. Политическая идентичность локализуется в сфере международных отношений как совокупность представлений, задающих уникальную сущность государства через соотнесение со значимыми другими («мы–они»);

4. Политическая идентичность в сфере политики исторической памяти характеризуется как совокупность представлений о прошлом политического сообщества, об исторических событиях, значимых для граждан, и осознаниями своей политической общности.

Если рассматривать политическую идентичность как результат определённой символической политики, то тут следует сразу же обозначить, что сам термин и направление «политики идентичности»

зародились в США в левой части западного политического дискурса. Во главу угла учёные ставили проблемы не интересов и норм, а идентичности и солидарности.

Специалист в области символической политики, О.Ю. Малинова, в этой связи подмечает, что «теории политики идентичности» исходят из предположения, что люди, относящиеся к одной социальной категории и имеющие сходный жизненный опыт (в зависимости от пола, цвета кожи, принадлежности к тому или иному поколению, сексуальной ориентации и др.), будут действовать на основе этих общих атрибутов (а не по причине рационально понятых интересов или усвоенных ценностей)».

В рамках зарождающейся в тот момент постмодернистской философии, политика идентичности объединяет множество разных движений, стратегий и дискурсов, общим для которых является отрицание иерархии идентичностей и ценностей, сформированной капиталистической мир-системой. Последняя устроена по принципу бинарных оппозиций, в рамках которых различия интерпретируются с точки зрения несомненного превосходства одной из категорий над другой.

Таким образом, можно выделить ситуационную идентичность, которая непосредственно обусловлена мимолётной символической текстуальной реальностью и непосредственно связана с политической практикой. Ситуационная идентичность относительно легко изменчива, поскольку в ней отсутствует принятие личностью интериоризированных норм, практик, ценностей и т.п.

Косвенным подтверждением значимости подобной политической идентичности выступает феномен «переменных избирателей». Немецкий социолог Ульрих Бек: «В современных западных демократиях параллельно с процессом глобализации выросла доля «переменных избирателей», которые на каждых выборах голосуют по-новому: из-за них политический процесс становится просто непредсказуемым. Если всего несколько десятилетий назад такой «кочующий электорат» находился в границах 10%, то в начале XXI века их доля составляет уже 40% от общего числа избирателей.

Политические аналитики единодушны в диагнозе: переменные избиратели с их текучестью ввиду важности малого большинства в будущем на выборах станут решающей силой».

Наряду со значительной волатильностью политических представлений ситуационная политическая идентичность также характеризуется

радикализмом и приверженностью политическим и социальным субкультурам.

Ситуационные политические идентичности являются исходным материалом для выстраивания надличностной политической идентичности человека, они должны быть осмыслены и приняты им, распространены на все похожие ситуации. Н.В. Шумкова, заведующая сектором социально-экономических программ НИИ регионологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, проводит данные социологического исследования молодежи г. Саранска, проведенного в 2013 г. Данные, подтверждают резкий рост самоидентификации молодежи Республики Мордовия посредством субкультур. Н. Шумкова подчёркивает: «51 % молодежи причисляют себя к тем или иным субкультурным сообществам (9 % отнесли себя к активным участникам, 15 % разделяют идеи, 12 % указали на свое прошлое участие, 14% отметили близкое знакомство с представителями молодежных субкультур); 49% респондентов отметили, что не имеют к молодежным субкультурам никакого отношения. Характерной особенностью субкультурного пространства г. Саранска является превалирование спортивных и около-спортивных молодежных субкультур: 27,5% опрошенных представителей молодежных субкультур отнесли себя к представителям субкультур футбольных фанатов, Воркута, скейтбордистов, трейсеров, велобайкеров» Значимой частью ролевого движения является аниме-сообщество. К его участникам отнесли себя 7,3 % представителей молодежных субкультур г. Саранска.

Наряду с ситуационной, можно выделить и трансверсальную политическую идентичность, которая обладает устойчивостью во времени, появляется на основе «внутренней работы» субъекта по оценке и принятию (либо неприятию) ситуационных идентичностей и их интериоризации.

В поддержку того, что трансверсальная идентичность остаётся стабильной даже при смене страны проживания, говорит факт, приведённый у С. Хантингтон: «16 октября 1994 года в Лос-Анджелесе 70 тысяч человек вышли на улицы с «морем мексиканских флагов», протестуя против вынесения на референдум поправки 187, которая отменяла многие государственные льготы для незаконных эмигрантов и их детей. Две недели спустя протестующие вышли с американским флагом – перевёрнутым. Эта выходка с флагом обеспечила победу данной поправки, которая была одобрена 59% жителей Калифорнии,

имеющих право голоса».

Первым свойством трансверсальной политической идентичности считается присутствие у социума совместного опыта государственности, в состав которого входит оценка одинакового для общества прошлого, которое обладает устойчивым набором восприятия ценностей ключевых исторических событий общества. Следует особенно подчеркнуть, что квазиидеологические представления, ангажированные факты, слухи, страхи, иллюзии, ожидания, мечты, схематично оформленные в виде политических символов и мифов, играют в условиях транзитивного характера политической идентичности определяющую роль, так как они позволяют широким массам упрощать и интерпретировать сложные явления экономической и общественно-политической жизни, объяснять и осознавать политическую действительность, формировать отношение к политическим партиям, организациям и движениям.

Е. Бабосов подчёркивает, что в результате процесса идентификация формируются, закрепляются либо трансформируются ролевые модели идентичностей, помогая индивиду усваивать определенные нормы и роли. Объектами этого процесса могут выступать как реальные люди, их поведенческие особенности, так и персонажи художественных произведений и т.д. Белорусский учёный подчёркивает, что «именно в процессе идентификации индивид признает те или иные конститутивные признаки и свойства своими собственными индивидуальными характеристиками, отождествляясь в том или ином отношении с данной группой».

Второе свойство трансверсальной политической идентичности – определённый состав общих ценностей, которые разделяются основной массой граждан, не являясь составной частью, которая при неизменной внешней среде стремится к изменениям. Стоит сказать, что в данный набор обычно входят только те из общественных установок, которые являются наиболее важными. В рамках политики исторической памяти целью любого политического конструирования как в сфере исторической мифологии, так и в целом политики памяти является именно трансверсальная идентичность, поскольку только она может обеспечить социуму как единому целому – устойчивость во времени, а индивидам – включение в систему социальных связей.

Третье свойство подобного типа идентичности – общая ответственность за будущее страны является наиболее устойчивым из всех свойств, так как подобная ответственность не может быть

изменена, она либо есть, либо нет (ее отсутствие автоматически означает, что основные потребности, принадлежность к сообществу, позитивная самооценка и безопасность не удовлетворяются в полной мере. Необходимо понимать, что ситуационная идентичность в условиях транзитивного общества всегда находится в лабильном состоянии и выступает в качестве поиска оптимального варианта для формирования идентичности трансверсальной. Нежизнеспособный идеологический и символический политический «проект» вновь редуцирует идентичность к ситуационной множественности.

На успешность формирования политической идентичности, по мнению российского политолога С.П. Поцелуева, влияют метафоричность и мифологичность выбираемых «конструкторами идентичности» политических символов, их когнитивная и аффективная согласованность и убедительность.

В условиях виртуального пространства по мере распада традиционных форм идентификации, утраты и релятивизации цивилизационных ориентиров, обесмысливание индивида проникает в саму структуру самосознания современного человека, форсируя процесс самоотчуждения субъекта, растворения его в объективированном виртуальном пространстве. Факт и событие, составляющие основу для конструирования исторической памяти и политической идентичности на основе объективного знания в условиях виртуального политического пространства, теряют значение в пользу символического осмысления и их интерпретации. Приоритетным становится не объективное, а субъективное знание, часто подчинённое не рациональным, а внерациональным факторам и закономерностям. Такая зависимость интерпретации от субъекта предопределяет ситуативность и изменчивость идентичности.

Следствием процесса цифровизации политической сферы выступает виртуализация как замещение реальности ее симуляцией (образом) - не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности. Определение социальных феноменов с помощью понятия «виртуальность» уместно тогда, когда конкуренция образов замещает конкуренцию институционально определенных действий - экономических, политических и др. В этих условиях коллективная идентичность носит символический характер, не привязана к территориальным, географическим характеристикам. Национальная идентичность (в широком смысле) носит множественный характер и распадается на

множество социокультурных идентификаций, а человек отрывается от собственной самости.

Экзистенциальное отчуждение человека от собственного бытия - это реакция на неразрешимые противоречия современного мира, на отсутствие смысла в условиях перманентно меняющейся социальной реальности. Мартин Хайдеггер обозначает такое неподлинное существование человека в глобализирующемся мире термином «Das Man» («Люд»). Фактически, «Das Man», в понимании Хайдеггера, – это безличный способ бытия, это те, кто орудуют в нас, через нас и вместо нас. М. Хайдеггер подчёркивает: «Люди» – это «суть те, кто в повседневном бытии с другими ближайшее и чаще всего “присутствуют”. Их, кто не этот и не тот, не сам человек и не некоторые и не сумма всех. “Кто” тут неизвестного рода, люди».

Вся система позиционирования индивида, формирующая его репрезентативный облик, теряет прежнюю определенность и становится объектом конструирования как со стороны самого индивида, так и со стороны разного рода субъектов, действующих в русле политики идентичности. Иными словами, состояние всеобщего, перманентного кризиса идентичности становится нормой. При этом очень часто на политическое сознание, поведение и идентичность пользователей сети Интернет влияют даже не иные «одушевлённые» участники виртуальной политической коммуникации, а искусственные

контрагенты, нейро- или бот-сети.

«Виртуальная реальность», по мнению российского политолога С.В. Володенкова, – не просто социально-культурное пространство для российской молодежи и населения среднего возраста крупных городов, а наиболее важный долгосрочный фактор, который определяет политические изменения в российском обществе, включая акты конструирования различных политических смыслов. Одним из аспектов данного процесса является стремление построить политические сообщества, опираясь на «негативный» символический и смысловой фундамент, активно апеллируя образом «врага». Неформальный характер коммуникации в сети Интернет способствует эффективности действия описанных выше механизмов. Возможности открытого диалога, оперативного доступа к информации в виртуальном пространстве, яркие, эмоциональные, запоминающиеся образы-стереотипы способствуют привлечению все большего количества пользователей, наполняя политический процесс иным эмоциональным наполнением и преобразуя его в занимательный «спектакль».

Виртуальную среду можно характеризовать как специфическую форму нематериальной политической реальности, предполагающей формирование и связь конгломератов людей – виртуальных сообществ, что объединены в границах политической идеологии, цели, интересов и ценностей. Нарративы передаются по информационному пространству, имея целью закрепиться в когнитивном пространстве. Это оказывается возможным, поскольку информационное пространство является намного более динамичным на фоне инерционного когнитивного пространства, внесение изменений в которое весьма затруднительно. Самой благоприятной средой для распространения нарративов является виртуальная массовая культура, поскольку она создает возможности для сочетания как рациональных, так и нерациональных компонентов в структуре и содержании сетевого революционного движения.

В условиях нарастания симуляции интернет-пространства особую актуальность и новое звучание приобретает концепция симулякров Бодрийяра, на основе которой российский политолог С.В. Володенков предложил понятие киберсимулякра — «искусственно сконструированной псевдоличности, симулирующей существование реального интернет-пользователя в оффлайновом пространстве, чьи реальные характеристики соответствуют заявленным, и

осуществляющей от его лица коммуникацию в интернете».

Будучи оторванными от реальных людей, виртуальные аватары симулируют наличие и поверхностную идентичность реальных пользователей, которых они репрезентуют, что активно используется в современных процессах информационно-коммуникационной деятельности субъектов политики, включая политическую манипуляцию и пропаганду.

В рамках данной деятельности государственный департамент США с 2006 года осуществляет реализацию в сетевом пространстве проекта Digital Outreach Team [15, с. 22], целью которого является так называемая «война в сфере смыслов», заключающаяся в анализе общественно-политических дискуссий и широкомасштабном распространении в интернет-пространстве смыслов, ценностей и идей, необходимых для формирования альтернативных сложившимся моделям восприятия социально-политической реальности. Для этого используются технологии дезинформации, «вброса» и вирусного распространения мемов и медиавирусом, а также сопровождения информации посредством комментариев от лица «простых пользователей» выгодных представлений о США и их политике. Как показывает анализ современных тенденций, число киберсимулякров будет постоянно увеличиваться и с высокой степенью вероятности уже в ближайшее время существенно превысит число реальных пользователей.

При этом уже в следующем десятилетии количество виртуальных личностей превысит население Земли. Число таких виртуальных «фейковых» аккаунтов сопоставимо с числом реально существующих интернет-пользователей, т.е. доля политботов в пользовательской структуре интернет-пространства крайне велика. Уже по состоянию на конец 2013 г., 61,5 % всего трафика в сети генерировалось такими искусственно созданными личностями.

С учетом широких возможностей симуляции в интернет-пространстве, они могут обладать практически любыми социокультурными и демографическими характеристиками, что обеспечивает высокую эффективность таргетирования информационно-коммуникационного воздействия применительно к целевым аудиториям политического управления.

Кроме того, глобальный характер сетевых коммуникаций позволяет сегодня конструировать и транслировать универсальные виртуальные ценности и смыслы, а также формировать универсальные

представления о политической реальности в общемировых масштабах, что, при сохранении сегодняшних тенденций, позволяет вести речь об угрозе исчезновения в будущем национальных особенностей и традиционных ценностных, символических и смысловых пространств в государствах, население которых сегодня активно потребляет информацию из интернет-источников.

В результате деятельности киберсимулякров массовый интернет-пользователь сталкивается с ложной артикуляцией «общественных» настроений, мнений, за которой в реальном пространстве могут стоять всего несколько человек, представляющих организованную группу.

Функциональное предназначение киберсимулякров – распространение медиавриусов, недостоверной информации, ангажированная интерпретация общественно значимой политической информации, формирование протестных политических настроений. От лица киберсимулякров в интернет-пространстве на сегодняшний день вбрасывается значительное число материалов, целью которых является компрометация политиков, органов власти и политических режимов, акцентирование внимания на выгодных для субъекта информационно-коммуникационного воздействия темах, инициирование обсуждений определенного круга политических вопросов, заранее заданная интерпретация политических событий и фактов, перефокусировка внимания представителей сетевого сообщества с невыгодных тем на требуемые, формирование массовых моделей поведения, разрушение традиционных ценностей, смыслов и идей путем создания эффекта негативного отношения к ним «большинства» интернет-пользователей.

При этом в большинстве случаев формируемые политические представления могут и вовсе быть противоположными реальному положению вещей, однако именно они выступают в качестве истинных для активных потребителей информации в виртуальном пространстве общества. В результате реальные политические процессы уступают место смоделированным виртуальным медиатизированным конструкциям, которые и воспринимаются общественным сознанием в качестве политической действительности, вызывая соответствующие вполне реальные, а не виртуальные, политические последствия и эффекты. Данная ситуация является глобальной и отражает особенности современного политического процесса, основой которого в аспекте возможностей осуществления эффективного управления

выступают публичные политические образы, имеющие виртуальную природу.

Одним из наиболее опасных аспектов деструктивной деятельности киберсимулякров и упадка традиционной идентичности является сепаратизм, порождённый формированием в виртуальном пространстве суррогатных фиктивных идентичностей. В рамках российского информационного пространства наиболее распространён сепаратизм на Северо-западе Российской Федерации.

Концепция «Ингерманландии» получила распространение вместе с развитием Интернета. Сегодняшние «ингерманландцы» представлены в основном в виртуальном пространстве, у самой массовой группы «ВКонтакте» под названием «Ингерманландия» - чуть больше 10 тысяч подписчиков. Основой такой фиктивной идентичности становится идея «постгосударства» – легко конструируемого, ситуативного, виртуального, не привязанного жёстко к конкретной территории региона. В частности, в рамках подобного идентичности речь может идти о переименовании территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области в «Ингрию» или «Ингерманландию».

Сторонники «свободной Ингрии» выступают за преобразование Петербурга и Ленинградской области в автономную республику с возможностью дальнейшего самоопределения. (В короткий период 1919-1920 на Карельском перешейке существовала республика Северная Ингрия). Они апеллируют к существованию особой ингерманландской идентичности жителей северо-запада России. Ингерманландцами предлагается считать коренных жителей региона: финно-угров, германцев, славян и балтов.

Население России ингерманландские сепаратисты условно делят на условные «европейское» и «азиатское». По их убеждению, европейская ментальность восходит к традициям Новгородской республики и сосредоточена в Петербурге. Азиатская связана с временами Золотой Орды, опричниной Ивана Грозного и сосредоточена в Москве. Победу Петра I в Северной войне и возврат территории под управление России ингерманландцы считают «началом оккупации Ингрии «московитами».

Начиная с весны 2016 года, активисты гражданского движения «Свободная Ингрия» регулярно принимали участие в Форуме свободной России, проходившем в Вильнюсе и активно выступили на секциях, посвящённых «российскому регионализму». Необходимо констатировать, что в условиях кризиса российской политической

идентичности в виртуальном пространстве эстетика ингерманландского сепаратизма обретает популярность среди образованной молодёжи и среднего класса.

Для обоснования «особого, европейского, не русского пути Ингрии» служит книга «Балтийский путь Петербурга» Андрея Пуговкина, доктора биологических наук, пресс-секретаря Санкт-Петербургского союза учёных. Презентация книги была проведена в центре «Мемориал», частично книга была напечатана в журнале «Посев». В своей книге Пуговкин выстраивает следующую логику для отделения территории Ленинградской области от России: «Русские Новгородская и Псковская республики серьёзно связаны со Скандинавией и являются политически и культурно - Северной Европой». А значит - не с Россией».

Однако, опасность сепаратизма, вызванного фиктивной политической идентичностью, не стоит преувеличивать, как не стоит и преуменьшать. Согласно опросу Левада-центра, проведенный 15–18 ноября 2013 г. На вопрос: «Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы регион, в котором вы живете, отделился от России?» ответили «Целиком положительно» 1 %, «Скорее положительно» 7 %. Отрицательное отношение к сецессии очевидно преобладает. На этот же вопрос ответили «Скорее отрицательно» 26 % и «Резко отрицательно» 61 % респондентов.

Необходимо подчеркнуть, что формирование и разрушение политической идентичности в виртуальном пространстве как особая форма политической коммуникации имеет ряд особенностей. Во-первых, она представляет собой целостный набор политических технологий, направленных на программирование прямых и косвенных факторов, обеспечивающих репрезентацию и само репрезентацию политического сознания: политических стереотипов, массовых политических настроений, социальных аттитюдов, и массового политического поведения.

Во-вторых, формирование политической идентичности представляет собой сознательно-бессознательный, процесс по инфильтрации в общественное сознание ценностного, символического и мифологического капитала, направленного на трансгрессию ситуативной политической идентичности в трансверсальную.

Российский социолог-неомарксист И.В. Эйдман, рассматривая трансформацию идентичности в условиях эволюции виртуального политического пространства, допускает вероятность появления новой разновидности контрэлиты – интернет-революционеров, которые будут

организовывать действия пользователей сети, задавая им целенаправленность и эффективность. Таким образом, в политике на уровне массового сознания формируется «общество-сеть», которое базируется на свободно сформированных горизонтальных социальных коммуникациях.

В соответствии со структурой и функциями политической идентичности нами была осуществлена попытка выделения типологии манипулятивных технологий.

Манипулятивные технологии, воздействующие на константные компоненты трансверсальной идентичности, деформируют историческую память, разрушают национальный менталитет, осуществляют подмену и десакрализацию традиционных ценностей. Примером такой технологии является технология «синтетических идентичностей», согласно которой происходит дробления российской государственной идентичности на макрорегионы, с последующим противопоставлением их российской политической и исторической традиции. Суть технологии в том, что изменение национальной самоидентификации разбивается на несколько этапов, отличающиеся по своим целям и задачам. Каждый из сдвигов переносит локальную мифологическую идентичность ближе к процессу интериоризации, а общепринятую норму отодвигает к его границе

Манипулятивные технологии, воздействующие на инерционные компоненты ситуационной идентичности, в результате действия которых формируются и распространяются деструктивные политические стереотипы, установки, стереотипизируются, раздробляется и искажается политический дискурс, внедряются в сознание человека ложные политические симулякры. Примером является технология «когнитивного взрыва», когда в результате работы двух разнонаправленных интерпретационных машин разрушающего три вида закономерностей: факты, правила и метаправила.

Манипулятивные технологии, воздействующие на компоненты политической идентичности в сети Интернет. В результате их воздействия в обществе господствующими становятся радикальные политические настроения и различные формы девиантного политического поведения, используемые в процессе реализации технологии «цветной революции». Примером такой технологии выступает виртуализация политического пространства, выраженная в появлении новых форм идеологической и пропагандистской работы

(мемы, медиа вирусы, демотиваторы), массового политического поведения (флешмобы) и заменой структурированной картины политической реальности на её мозаическую симуляцию.

ВЫВОД:

С одной стороны, политическая идентичность предстает как «неизменный образ в массовом сознании людей, который является базовым элементом внутриполитических и психо-исторических ориентиров государства». С другой стороны, нельзя игнорировать трактовки «идентичностей» как дискурсивных конструкторов. В зависимости от контекста активизируются разные репрезентации нас и Других. Признание дискурсивной природы идентичности влечет за собой и другой важный вывод: наши представления о групповой (коллективной) идентичности являются результатом символической борьбы, соперничества разных способов классификации и названия, разных нарративов об идентичности.

Современные процессы глобализации ведут к размыванию национально-государственной идентичности, что, в свою очередь, влияет на развитие как отдельных региональных субъектов, так и целых регионов мира.

Для политической идентичности характерны следующие черты: ориентация на прошлое, мифологичность, актуализация в зависимости и в соответствии с внешними обстоятельствами, конфронтационность

(т.е. складывание отношений с другими этническими группами по принципу оппозиции) и, что очень важно, её «эмоционально-нормативный характер», т.е. глубокая эмоциональная насыщенность связей с этнической общностью и наличие «моральных обязательств по отношению к ней»

Необходимо подчеркнуть, что формирование и разрушение политической идентичности в виртуальном пространстве как особая форма политической коммуникации имеет ряд особенностей. Во-первых, она представляет собой целостный набор политических технологий, направленных на программирование прямых и косвенных факторов, обеспечивающих репрезентацию и само репрезентацию политического сознания: политических стереотипов, массовых политических настроений, социальных аттитюдов, и массового политического поведения. Во-вторых, формирование политической идентичности представляет собой сознательно-бессознательный, процесс по инфильтрации в общественное сознание ценностного, символического и мифологического капитала, направленного на трансгрессию ситуативной политической идентичности в трансверсальную.

Манипулирование политической идентичностью представляет собой специфическую политическую деятельность широкого спектра экстремистских политических сил, направленную на разрушение структуры и содержания общественного сознания жителей как Российской Федерации так и Республики Беларусь, замещение исторической памяти ложными политическими мифами, деформацию политического менталитета граждан, формирование протестных политических настроений, подрыв легитимности существующего строя и его основных элементов, а также создание, развитие и модерирование сетевых оппозиционных политических сообществ с целью реализации технологии «цветной революции».

СОРОКИН Александр Алексеевич, Белорусский государственный педагогический университет им. МАКСИМА ТАНКА, Лауреат X -го Всероссийского конкурса «Наука и образование против идеологии экстремизма...»